

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1804-1811
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1804

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Local Self-Government and Traditional Institutions: Problems of the Influence of Historical and Cultural Heritage in Post-Reform Russia

Oksana V. Golovashina ^{a, *}, Sergey K. Lyamin ^a

^a Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract

This paper presents, drawing on archival records and published sources, problems in the local governments functioning that have emerged as a result of the Great Reforms. Theoretical and methodological background of the work are ideas of B. N. Mironov, A. Ribera, M. de Certeau. The authors emphasize that the responsibilities of the municipal government bodies had not been clearly defined, therefore, in practice, there were conflicts between them and the provincial administration or the estates bodies. Often the personal authority of powerful officials had precedence over the formal laws. Duma did not come into open conflict, but it used a variety of delays, which had a negative effect on the possibilities of dialogue between the local government and the previous government authorities. A work of self-government bodies was complicated by the fact that they almost did not have any material resources; new social and political institutions could not earn social respect without a demonstration of its concrete and practical effectiveness, which could not be achieved without public backing. Thus, it is possible to state a lack of independence of public self-governance in the analyzed period, as well as difficulties in the practical implementation of its activities. The reason is the fact that the modernized socio-political institutions have been functioning and interacting with each other in an environment of mainly traditional concepts.

Keywords: modernization, Great Reforms, local government, modernization theory, institutional economics, zemstvo, estates government.

1. Введение

Эпоха Великих реформ наметила в российском обществе тенденцию к внесословной самоорганизации, расширению возможностей различных социально-политических институтов в сфере децентрализации и самоуправления. Эти явления обозначились, прежде всего, в создании институтов местного сословного самоуправления, что позволяет некоторым исследователям делать вывод о формировании в этот период пусть непрочной, но жизнеспособной структуры правового государства и гражданского общества (Линдмейер, 1992: 297). Однако мы исходим из того, что для объективной оценки процесса необходимо обратиться к исследованию реакции населения на работу этих институтов, потому что необходимость самоорганизации повлияла на изменение не только повседневности жителей, но и общественного сознания. В свою очередь на деятельность органов местного самоуправления также действовала инерция традиционного сознания жителей.

В центре внимания в данной работе находятся изменения традиционного образа жизни в рассматриваемый период под воздействием новых формальных социально-политических институтов и анализ того, как этот образ жизни изменял и адаптировал эти новые институты. На наш взгляд, такая постановка вопроса позволит иначе взглянуть на некоторые аспекты теории модернизации и возможности их применения.

* Corresponding author

E-mail addresses: ovgolovashina@urfu.ru (O.V. Golovashina), laomin@mail.ru (S.K. Lyamin)

2. Материалы и методы

Основными источниками в данной статье стали архивные и опубликованные материалы городских дум и управ Тамбовской губернии. Мы считаем, что результаты исследования в данном регионе могут быть использованы для изучения модернизационных процессов в Центральной России вообще. При этом некоторые частные аспекты теории модернизации более эффективно рассматривать на примере отдельных эпизодов, которые имеют не иллюстративное значение, а выступают в качестве примеров несоответствия заявленной стратегии и ее реализации на местах.

Задачи исследования диктуют необходимость использования как общенаучных методов (методы обобщения, анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии), так и специальных исторических методов и приемов. Мы применяли историко-сравнительные методы, которые позволяют выявить общее и частное в сравниваемых объектах.

Теория модернизации в исторических работах часто объявляется теоретико-методологической основой (Martin, 2010), однако нам такая позиция представляется эвристически непродуктивной. В предлагаемой статье мы будем использовать категорию «осадочного общества», разработанную А. Рибером (Rieber, 1991), так как считаем, что эта модель, с одной стороны, позволяет осмыслить такие характерные для российской модернизации черты, как «многоукладность» или «мозаичность», с другой – она предлагает исследовательскую оптику для объяснения взаимовлияния состояния общественного сознания и модернизационной динамики через метафору «перегрева».

Так как целью нашей работы является не сама институциональная модернизация, а выявление причин ее недостаточной реализации, мы обратимся к повседневному уровню обыденных практик взаимодействия. В центре нашего внимания будут типичные реакции, представления, практики горожан, а не какие-либо исключительные явления или идеи немногих интеллектуалов того времени. В связи с этим полезными для данной работы могут послужить идеи французского исследователя повседневности М. де Серто (де Серто, 2013). Если М. Фуко, изучая государство и его отдельные институты, концентрировал внимание на «всеподнадзорности», то М. де Серто настаивал на реальности изменения навязанных порядков путем их «освоения». Тактика личности позволяет создавать себе свободное пространство в рамках, определяемых стратегией власти. Чтобы избежать навязанных теорией модернизации ярлыков, мы использовали некоторые идеи Й. Фабиана (Fabian, 2002), настаивающего на необходимости преодоления противопоставления знающего субъекта и пассивного объекта исследования.

3. Обсуждение

Б.Н. Миронов в своей недавно вышедшей фундаментальной монографии убедительно доказывает, что «концепция модернизации до сих пор является прагматичной и работоспособной при изучении исторической динамики, особенно России» (Миронов, 2015: 672). Вариантами адаптации теории модернизации для исследования различных периодов истории России и современной модернизационной динамики занимались также Н.Н. Зарубина (Зарубина, 1997), Н.Ф. Наумова (Наумова, 2006), А.В. Фадин (Фадин, 1995), а также авторы этой статьи (Головашина, 2013; Головашина, 2016; Zhukov, Lyamin, 2016) и др.

Однако теория модернизации в силу ее востребованности не только в научном дискурсе, но и различными политическими акторами сама становится объектом критики и дискуссий. Начиная с эпохи Просвещения и по сей день, модерном, современным считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени (Хабермас, 1992: 40). Концептуализация модерна связана с переосмыслением опыта экономической и культурной трансформации, которая характерна для некоторых западных государств, однако этот опыт, в силу его популяризации как в научном, так и общественно-политическом дискурсе, начинает претендовать на статус универсальной модели для всего остального мира. Таким образом, модернизацию можно интерпретировать как «постоянно воспроизводимый антитрадиционализм» (Межуев), «операционную фикцию» (Osborne, 2013: 81), однако линейность последовательного «осовременивания» противоречит отечественному социальному времени и вызывает естественную реакцию со стороны традиционных обществ, описанную вышеупомянутым А. Рибером.

Западные исследователи институционализма стараются избегать модернизационных схем (Autio-Sarasma, 2013; Dennison, 2011). Распространенной теоретической рамкой для исследования модернизационной динамики в западных работах является идея социетального институционализма, предложенная Д. Нортгом и Д. Найтом. Ее особенность заключается в том, что она рассматривает влияние различных неформальных институтов на экономическую и социокультурную динамику. На наш взгляд, проблемы соотношения формальных и неформальных институтов, сложности их взаимодействия оказали влияние на российскую модернизационную динамику и предопределили развитие модернизационного проекта в России. Г. Хелмке и С. Левицки (Helmke, Levitsky, 2004) обратили внимание на то, что изучение только формальных правил и институтов ограничивает применение институциональной теории, так как многие неформальные практики (например, клиентелизм и патримониализм, обычаи и т.д.) напрямую влияют на экономические, социальные и политические процессы, а также могут определять деятельность отдельных акторов.

4. Результаты

Одним из решений городской реформы 1870 года было предоставление широких полномочий местному самоуправлению. Соответствующее городское положение позволяло перейти от сословного управления к представительству, в основе которого лежал имущественный ценз – конечно, еще не совсем демократия, но все же это можно признать более прогрессивной практикой, если сравнивать с ситуацией до Великих реформ. Прогрессивным также можно назвать и законодательное появление определенной самостоятельности городских дум, их независимости от администрации.

Нельзя сказать, что появление нового городского положения 1870 года вызвало резкую трансформацию местного самоуправления, но определенные изменения происходили. Внесословный принцип позволил участвовать в работе местного самоуправления населению, относившемуся к различным социальным группам (Пажитнов, 1913: 26, 83, 85), однако степень их участия была различной, что являлось следствием целого ряда причин (материальная обеспеченность, социальный статус и т.д.). В качестве усложняющего фактора можно назвать то, что обязанности новых институтов не были описаны в каких-либо действующих законоположениях, что на практике приводило к постоянному вмешательству администрации в работу дум. Как и в дореформенный период, личное влияние отдельных губернаторов или каких-либо других высших чиновников, а также авторитетных представителей общественности оказывалось более значимым, чем то, что прописано в законах. В качестве примера можно привести случай из общественной жизни Тамбова – типичного провинциального губернского города. В конце 1884 года в Тамбовских губернских ведомостях появилась статья, посвященная деятельности комитета тамбовской богадельни. Претензию неизвестного автора вызывало то, что попечитель «избирается Думой не по собственному её усмотрению, а по указанию извне (выделено Авт.) ...За городской Думой осталось, на самом деле, право, или, лучше сказать, принудительная обязанность вознаграждать этого попечителя из скудных городских средств» (Тамбовские..., 1984). Автор возмущается не столько вмешательством в дела городской думы, сколько необходимостью содержать назначенного со стороны человека. Такую реакцию можно понять, если знать, что бюджет города был очень незначительным. Из-за того, что попечитель богадельни получил содержание из средств города, дума, например, не смогла обеспечить финансирование параллельных классов женской гимназии (ГАТО. Ф. 17. Оп. 11. Д. 5. Л. 11). Автор анализируемой статьи в Тамбовских губернских ведомостях настаивает на том, что интересы отдельных лиц не могут противоречить воле всего населения, которую должна выражать дума. Таким образом, автор относится к новому институту как инструменту общественного контроля, поэтому настаивает на его самостоятельности от внешних сил и необходимости защищать интересы представителей всех сословий.

Взаимоотношение попечительского комитета тамбовской богадельни и городской думы – пример определенной зависимости городского общественного самоуправления в пореформенный период. Причем давление оказывалось на новые структуры не только «сверху» (со стороны администрации), но и «снизу» (например, со стороны богатых горожан). Однако независимо от того, с какой стороны оказывалось это давление, принцип самоуправления оказывался дискредитированным, что вызывало недовольство горожан.

Городские думы пытались изменить ситуацию, в которой они не могли действовать самостоятельно, несмотря на закрепленные в городском положении права: демонстративно срывали выборы, устраивали повторные или мешали решениям вышестоящих органов. Так, П.П. Карцов прибыл со своей дивизией в Тамбов, где должен был встать лагерем. Однако, несмотря на прямое указание царя, организация лагеря сильно затянулась, потому что городская дума никак не могла согласовать все детали этого вопроса (Карцов, 1888: 412-413). «Начальствовать частью там, где нет земства и нет городских положений, гораздо легче, менее столкновений, меньше отношения к всевозможным учреждениям», – сделал свой вывод Карцов (Карцов, 1888: 400). Часто возникающие конфликты были невелики по масштабам, однако в самом их появлении можно было увидеть зачатки гражданского самосознания (Нардова, 1994: 180).

Интересно, но прямых открытых конфликтов между администрацией и городской думой в изученных нами документах зафиксировано не было, однако мы нашли много примеров разнообразных предлогов, которые помогли бы откладывать выполнение поручений, как в случае с лагерем Карцова. С одной стороны, это можно проинтерпретировать как слабость местного самоуправления перед лицом административной машины. Но с другой – эта практика является одним из способов сопротивления более сильным институтам, с которыми невозможен диалог. Сложившаяся ситуация не предоставляла какой-либо площадки, места для сотрудничества на равных, поэтому разногласия, которые постоянно возникали, подавлялись более сильными институтами, а недоверие между администрацией и общественностью росло.

Ситуацию усложняло то, что Великие реформы не могли привести к быстрой смене общественного сознания, следовательно, новым институтам приходилось взаимодействовать не только друг с другом, но и средой традиционных представлений, которые мешали формированию как политической культуры, так и возможностям какой-либо эффективной коммуникации между акторами. В исследуемый период и дума, и губернская администрация не могли транслировать модернизационные образцы в своей работе.

Их деятельность прежде всего протекала в поле повседневного взаимодействия жителей. А там, несмотря на происходившие изменения, продолжали доминировать традиционные установки. То есть деятельность новых, модернизированных институтов встречала сопротивление «осадочного общества» (Rieber, 1991), в котором отсутствовали практики взаимодействия с этими институтами. Эти практики не могли появиться только в результате какого-либо одного мероприятия, принятия закона или, к примеру, городского положения. Поэтому в пореформенный период и губернские власти, и общественность в целом осваивались в сложившейся ситуации в соответствии со своими, все еще традиционными представлениями о роли органов власти и положении влиятельных персон.

Зафиксированное законодательно разграничение полномочий органов самоуправления и губернской администрации не приводило к росту эффективности этих институтов. Наоборот, следствием описываемой нами ранее волокиты стало снижение уровня доверия со стороны населения к новым органам власти, что также не способствовало повышению их авторитета и развитию практик взаимодействия с ними. Властные субъекты, пользуясь путаницей, перекладывали ответственность друг на друга за случающиеся провалы. Ситуацию усложняло то, что органы самоуправления располагали довольно незначительными материальными средствами (Нардова, 1994: 250).

Следствием вышесказанного было то, что, как сообщают источники, жители города не стремились занимать общественные должности. В 1872 году купцы Степан Иванович Сорокин и Иван Алексеевич Багрянцев подали прошение об освобождении их от должности, потому что их личные «коммерческие дела» не оставляют им возможности исполнять общественные поручения (Журнал... 9.06.1872: 4). О финансовых причинах нежелания участвовать в деятельности городской думы заявляли и Михаил Федорович Дьяконов и Егор Александрович Селезнёв (Журнал... 13.03.1872: 46-48), однако это прошение не было удовлетворено, так как иначе возникли бы сложности в деятельности торговой депутации вообще, потому что других желающих занять эту должность не было (Журнал... 13.03.1872: 46-48). То есть, как свидетельствуют источники, жители города не считали работу в органах местного самоуправления способом защитить свои интересы или получить какие-либо выгоды, а, скорее, рассматривали ее в качестве не слишком приятной повинности. Плата за выполнение обязанностей не предполагалась, поэтому подобной деятельностью могли заниматься только довольно состоятельные граждане, однако общественная работа наносила вред той занятости, которая непосредственно приносила им доход.

Доминирование традиционных установок в общественном сознании населения проявилось в отношении к общегородском проблеме, разрешением которых должны были заниматься органы местного самоуправления. Например, городская дума обратила внимание на необходимость ремонта улиц, находящихся рядом с Базарной площадью. В городском бюджете средств на соответствующий ремонт не было, поэтому горожанам, проживающим на этих улицах, было предложено отремонтировать часть мостовой на свои средства. Для того чтобы результат всего ремонта не зависел от меняющихся финансовых возможностей жильцов, дума производила ремонт за собственные средства, которые согласившиеся собственники потом постепенно возвращали. Когда пришло время уплаты долга, один из горожан – купец А.М. Лоскутов – отказался возвращать долг, так как требуемая с него сумма (442 рубля 67 копеек) «в деле общественном весьма неблагоприятна в деле одного частного лица», тем более, подчеркнул Лоскутов, жители других домов, примыкающих к этому месту, «вообще не обременены ничем подобным»; а так как рядом находятся общественные здания, дума также обязана оплачивать мощение улиц (Журнал... 27.02.1874: 16-17). С одной стороны, можно сказать, что Лоскутов, делегируя городской думе заботу об общественном пространстве и соблюдая свой личный интерес, ведет себя как представитель формирующегося индустриального общества. С другой – это будет не совсем верно. Не просто отстаивание своего, положенного по закону права, а абсолютная непримиримость частного и общественного интереса – черта традиционного сознания. В этой модели разрешение противостояния общественного и частного возможно только в случае минимизации одного из интересов. Обычно частное «кладется на алтарь» общественного, однако может быть и другая ситуация. Человек в гражданском обществе ощущает себя свободным, в традиционной же культуре свобода невозможна, однако существует приоритет воли, которую можно определить как право без обязанностей, без оглядки на какие-либо социальные нормы.

Отдельно коснемся тех противоречий, которые постоянно возникали между земствами и новыми органами городского самоуправления. Горожане не видели ничего полезного в работе земств. Городской глава в 1883 году отмечал, что город вынужден нести колоссальные расходы (дороги, содержание управления, медицина и др.) в соответствии с Положением о земских учреждениях, однако никакой пользы от этих расходов нет. «Действия земской управы в одном только случае касаются города, именно взимание налога с города и его жителей на земские повинности» (ГАТО. Ф. 17. Оп. 2. Д. 100. Л. 23-26об.). Жители города также не считали земские повинности вложением в общее дело, которое принесет выгоды всем жителям. Получался порочный круг: новые институты не могли завоевать авторитет, так как горожане не видели конкретную эффективность их работы, а эта эффективность не могла получиться без поддержки общества.

В 1870-х годах с интересами общества у горожан все еще ассоциировались органы сословного самоуправления. Общество мещан г. Тамбова было создано в начале 1871 года «для заведования

делами общества» (*Журнал... 14.11.1872: 3*). Сразу возникла проблема размещения управы. По мнению членов общества, управа должна была находиться в общественном доме, в котором на тот момент располагались городские учреждения (*Журнал... 14.11.1872: 3*). Губернатор поддержал мещан, и обществу было временно выделено помещение, в котором прежде находилась квартирная комиссия (*ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 1-106.*). Однако помещение показалось им тесным, и мещане стали требовать помещение женского училища, утверждая, что некоторые члены городской управы согласились на это (*ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 106.*). Городская управа это отрицала, подчеркивая, что мещанская управа является сословным учреждением, следовательно, не имеет права на место в помещении, приобретенном на городские налоги (*Журнал... 9.06.1972: 4; ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 4-406.*). «Что же касается ссылки мещанской управы на приговор свой 30 января 1871 года, где будто бы сказано, чтобы мещанская управа состояла при общественном доме, то приговор этот, постановленный без участия городской думы, как незаконное притязание на чужую собственность ни к чему не может обязывать городскую Думу» (*ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 5-506.*). Поэтому мещанскую управу необходимо выселить из здания и «предоставить ей возможность поискать помещение вне городского общественного дома. По примеру других городов мещанская управа должна нанимать себе дом на собственные средства» (*Журнал... 9.06.1972: 4*).

Этот случай хорошо иллюстрирует недостаточную степень модернизации социальной структуры провинциального города к началу 1870-х. Горожане еще не представляли город как внесословную структуру, связанную общественным интересом, и не могли разобраться в полномочиях новых и старых органов власти. Следствием подобного отношения стал еще один случай. Священник кладбищенской церкви попросил у городской думы оплату караула при кладбище. Однако это финансирование было выделено бывшей городской думой, которая состояла в основном из купцов и мещан и пользовалась финансовыми возможностями соответствующих обществ, а новая дума таких обязательств нести не может (*Журнал... 27.02.1874: 15*). На повторный запрос священника дума ответила, что за содержание церквей отвечают их прихожане, а не все общество Тамбова, от лица которого говорит дума (*Журнал... 3.07.1874: 8*).

Таким образом, можно констатировать, что в пореформенной России корпоративное сознание доминировало над гражданским. Горожане не всегда понимали различия органов общественного и сословного самоуправления. То есть появившиеся элементы гражданского общества функционировали в поле традиционной культуры и свойственной ей представлений о сути социальных институтов. Конечно, это среда постепенно менялась, однако она и приспособлялась под себя новые общественно-политические организации, которые также адаптировались к влиянию среды. Новые институты гражданского общества не смогли быстро стать органичной частью городской среды, однако вынужденные к нему приспособляться горожане меняли и сами эти институты. Постепенно трансформировалось и общественное сознание жителей.

5. Заключение

Модернизационные преобразования в России второй половины XIX века сталкивались с инерцией традиционного сознания. Анализ источников показывает невозможность констатации независимости органов местного самоуправления от влиятельных граждан или местной администрации. Наряду с внесословными органами управления, продолжали существовать и сословные, и сферы их интересов постоянно пересекались. Это приводило к дискредитации принципа самоуправления как общественно-политического института, представляющего общие интересы жителей города. Ситуация осложнялась тем, что органы самоуправления располагали очень незначительными материальными возможностями, что также не способствовало желанию отдельных горожан принимать активное участие в работе этих институтов.

Таким образом, инерция традиционного общества препятствовала развитию гражданского самосознания. Органы местного управления вели свою деятельность в уже сложившейся системе сложных взаимоотношений корпоративных и сословных институтов, поэтому вынуждены были приспособляться к имеющимся моделям взаимодействия. Инерция традиционного сознания населения также мешала развитию практик гражданского общества, так как горожане не понимали специфику работы новых институтов и их роль в своей повседневной жизни.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Литература

Блинов, 1911 – Блинов И.А. Отношение Сената к местным учреждениям после реформ 60-х годов // История правительствующего Сената за 200 лет в 5 томах. СПб., 1911. Т. 4. С. 108-214.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

- Головашина, 2013 – Головашина О.В. Модернизация после модерна // *Вопросы культурологии*. 2013. № 10. С. 20-24.
- Головашина, 2016 – Головашина О.В. Трансформация методов трансляции опыта предыдущих поколений и проблема идентичности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2016. Т. 16. № 3. С. 249-253.
- де Серто, 2013 – де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013. 330 с.
- Зарубина, 1997 – Зарубина Н.Н. Модернизация и хозяйственная культура (Концепция М. Вебера и современные теории развития) // *Социологические исследования*. 1997. № 4. С. 46-54.
- Журнал... – Журнал заседаний тамбовской городской думы.
- Заседание 13 марта 1872 г. – Заседание 13 марта 1872 г. Тамбов, 1872.
- Заседание 14 ноября 1872 г. – Заседание 14 ноября 1872 г. Тамбов, 1872.
- Заседание 27 февраля 1874 г. – Заседание 27 февраля 1874 г. Тамбов, 1874.
- Заседание 3 июля 1874 г. – Заседание 3 июля 1874 г. Тамбов, 1874.
- Заседание 9 июня 1872 – Заседание 9 июня 1872 г. Тамбов, 1872.
- Карпов 1888 – Карцов П.П. Из прошлого (личные и служебные воспоминания). Ч. 1. 1831–1876. СПб., 1888. 520 с.
- Линденмейер, 1992 – Линденмейер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // *Великие реформы в России (сборник)*. М., 1992. С. 283-300.
- Медушевский, 1996 – Медушевский А.Н. И. Баберовский. Самодержавие и юстиция. Соотношение правовой государственности и отсталости на исходе Российской империи (1864–1914); П. Лиссем. Административная юстиция в поздней Российской империи. Правительствующий Сенат и его решения по вопросам самоуправления в России (1864–1917) // *Вопросы истории*. 1996. № 7. С. 160-164.
- Межуев – Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // *Знание. Понимание. Умение*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/> (дата обращения 1.09.2022).
- Миронов, 2015 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 3. СПб., 2015. 992 с.
- Нардова, 1994 – Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – 90-х годах XIX в. правительственная политика. Л.: Наука, 1994. 260 с.
- Наумова, 2006 – Наумова Н.Ф. Человек и модернизация России. М., 2006. 592 с.
- Пажитнов, 1913 – Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. 211 с.
- Фадин, 1995 – Фадин А. Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...) // *Хрестоматия российского самосознания*. 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (дата обращения: 15.09.2022).
- Хабермас, 1992 – Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // *Вопросы философии*. 1992. № 4. С. 40-52.
- Autio-Sarasma, 2013 – Autio-Sarasma S. National Identity, Modernization, and the Environment // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 14. No 4. P. 898-909.
- Dennison, 2011 – Dennison T. K. The institutional framework of Russian serfdom. London: Cambridge University Press, 2011.
- Fabian, 2002 – Fabian J. Time and the Other. How anthropology makes its object. New York, 2002. 206 p.
- Helmke, Levitsky 2004 – Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. № 4. Pp. 725-740.
- Martin, 2010 – Martin A. History, Memory, and the Modernization of 19th-Century Urban Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11. Vol. 4. Pp. 837-870.
- Osborne, 2013 – Osborne P. Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time // Lorenz Ch., Bevernage B. Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
- Rieber, 1991 – Rieber A. The Sedimentary Society // *Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991. P. 343–366.
- Zhukov, Lyamin, 2016 – Zhukov D.S., Lyamin S.K. The modeling of institutional by means of fractal geometry // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6. No 2.

References

- Autio-Sarasma, 2013 – Autio-Sarasma, S. (2013). National Identity, Modernization, and the Environment. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 14(4): 898-909.
- Blinov, 1911 – Blinov, I.A. (1911). Otnoshenie Senata k mestnym uchrezhdeniyam posle reform 60-kh godov [The attitude of the Senate to the local agencies after the reforms of 60-ies]. *Istoriya pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let v 5-ti tomakh*. SPb., vol. 4, pp. 108-214 [in Russian]
- de Serto, 2013 – de Serto, M. (2013). Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' [The Practice of

Everyday Life]. Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoi. SPb., 330 p. [in Russian]

Dennison, 2011 – *Dennison, T.K.* (2011). The institutional framework of Russian serfdom. London: Cambridge University Press, 276 p.

Fabian, 2002 – *Fabian, J.* (2002). Time and the Other. How anthropology makes its object. New York, 206 p.

Fadin, 1995 – *Fadin, A.* (1995). Modernizatsiya cherez katastrofu? (Ne bolee chem vzglyad...) [Modernization through catastrophe? (Never more than a glance...)]. *Inoe: Khrestomatiya rossiiskogo samosoznaniya*. [Electronic resource]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (date of access: 15.09.2022). [in Russian].

Golovashina, 2013 – *Golovashina, O.V.* (2013). Modernizatsiya posle moderna [Modernisation after modernity]. *Voprosy kul'turologii*. 10: 20-24. [in Russian]

Golovashina, 2016 – *Golovashina, O.V.* (2016). Transformatsiya metodov translyatsii opyta predydushchikh pokolenii i problema identichnosti [Transformation of the ways in which the experience of previous generations is transmitted and the problem of identity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 16(3): 249-253. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State archive of the Tambov region].

Helmke, Levitsky, 2004 – *Helmke, G., Levitsky, S.* (2004). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*. 2(4): 725-740.

Kartsov, 1888 – *Kartsov, P.P.* (1888). Iz proshlogo (lichnye i sluzhebnye vospominaniya) [From the past (personal and official memories)]. Ch. 1. 1831–1876. SPb., 520 p. [in Russian]

Khabermas, 1992 – *Khabermas, Yu.* (1992). Modern – nezavershennyi proekt [Modern – unfinished project]. *Voprosy filosofii*. 4: 40-52. [in Russian]

Lindenmeier, 1992 – *Lindenmeier, A.* (1992). Dobrovol'nye blagotvoritel'nye obshchestva v epokhu Velikikh reform [Voluntary charitable society in the era of the Great reforms]. *Velikie reformy v Rossii (sbornik)*. M., pp. 283-300. [in Russian]

Martin, 2010 – *Martin, A.* (2010). History, Memory, and the Modernization of 19th-Century Urban Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 11(4): 837-870.

Medushevskii, 1996 – *Medushevskii, A.* (1996). N.I. Baberovskii. Samoderzhavie i yustitsiya. Sootnoshenie pravovoi gosudarstvennosti i otstalosti na iskhode Rossiiskoi imperii (1864–1914); P. Lissem. Administrativnaya yustitsiya v pozdnei Rossiiskoi imperii. Pravitel'stvuyushchii Senat i ego resheniya po voprosam samoupravleniya v Rossii (1864–1917) [I. Baberovskii. Autocracy and justice. The ratio of the rule of law and underdevelopment at the end of the Russian Empire (1864–1914). P. Lissem. Administrative justice in the late Russian Empire. Governing the Senate and its decisions on matters of self-government in Russia]. *Voprosy istorii*. 7: 160-164. [in Russian]

Mezhuev – *Mezhuev, V.M.* Tsennosti sovremennosti v kontekste modernizatsii i globalizatsii [The values of modernity in the context of modernization and globalization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Electronic resource]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/> (date of access: 01.09.2022). [in Russian]

Mironov, 2015 – *Mironov, B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian Empire: from tradition to modernity]: v 3 t. T. 3. SPb., 992 p. [in Russian]

Nardova, 1994 – *Nardova, V.A.* (1994). Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – 90-kh godakh XIX v. pravitel'stvennaya politika. [City government in Russia in 60-ies – 90-ies of the XIX century: government policy]. L.: Nauka, 260 p. [in Russian]

Naumova, 2006 – *Naumova, N.F.* (2006). Chelovek i modernizatsiya Rossii [The man and the modernization of Russia]. M., 592 p. [in Russian]

Osborne, 2013 – *Osborne, P.* (2013). Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time. Lorenz Ch., Bevernage B. Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.

Pazhitnov, 1913 – *Pazhitnov, K.A.* (1913). Gorodskoe i zemskoe samoupravlenie [Urban and Zemstvo self-government]. SPb., 211 p. [in Russian]

Rieber, 1991 – *Rieber, A.* (1991). The Sedimentary Society. Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton Univ. Press, pp. 343-366.

Tambovskie gubernskie vedomosti – *Tambovskie gubernskie vedomosti* (neofitsial'nyi otdel). Vol. 129. 29 dekabrya 1884 g. [in Russian]

Zarubina, 1997 – *Zarubina, N.N.* (1997). Modernizatsiya i khozyaistvennaya kul'tura (Kontseptsiya M. Vebera i sovremennye teorii razvitiya) [Modernization and economic culture (the Concept of M. Weber and modern theories of development)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4: 46-54. [in Russian]

Zhukov, Lyamin, 2016 – *Zhukov, D.S., Lyamin, S.K.* (2016). The modeling of institutional by means of fractal geometry. *SAGE Open*. 6(2).

Zhurnal... – *Zhurnal Tambovskoi gorodskoi dumy*. [in Russian]

Zasedanie 13 marta 1872 g. – Zasedanie 13 marta 1872 g. [Meeting 13 March 1872 y.]. Tambov, 1872. [in Russian]

Zasedanie 14 noyabrya 1872 g. – Zasedanie 14 noyabrya 1872 g. [Meeting 14 November 1872 y.].

Tambov, 1872. [in Russian]

[Zasedanie 3 iyulya 1874 g.](#) – Zasedanie 3 iyulya 1874 g. [Meeting 3 July 1874 y.]. Tambov, 1874. [in Russian]

[Zasedanie 9 iyunya 1872 g.](#) – Zasedanie 9 iyunya 1872 g. [Meeting 9 June 1872 y.] Tambov, 1872. [in Russian]

Местное самоуправление и традиционные институты: проблемы влияния историко-культурного наследия в пореформенной России

Оксана Владимировна Головашина ^{a,*}, Сергей Константинович Лямин ^a

^aУральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье с опорой на данные архивов и опубликованные источники рассматриваются проблемы функционирования органов местного самоуправления, появившихся в результате Великих реформ. Теоретико-методологической основой работы выступают идеи Б.Н. Миронова, А. Рибера, М. де Серто. Авторы подчеркивают, что круг обязанностей органов городского самоуправления не был четко определен, поэтому на практике возникали конфликты между ними и губернской администрацией или сословными органами. Зачастую личный авторитет влиятельных чиновников имел приоритет перед формальными законами. Дума не вступала в открытый конфликт, но использовала разнообразные проволочки, что отрицательно сказывалось на возможностях диалога между самоуправлением и прежними органами власти. Осложнялась работа органов самоуправления тем, что они практически не располагали материальными возможностями; новые социально-политические институты не могли приобрести общественное уважение, не продемонстрировав свою конкретно-практическую эффективность, которую не могли достичь без общественной поддержки. Таким образом, можно констатировать недостаточную самостоятельность общественного самоуправления в исследуемый период, сложности с практической реализацией проводимых ими мероприятий. Причиной является то обстоятельство, что модернизированные социально-политические институты функционировали и взаимодействовали друг с другом в среде по преимуществу традиционных представлений.

Ключевые слова: модернизация, Великие реформы, местное самоуправление, теория модернизации, институционализм, земство, сословное самоуправление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ovgolovashina@urfu.ru (О.В. Головашина), laomin@mail.ru (С.К. Лямин)